

Алена ДАЛЬ

г. Воронеж

Из цикла «ЖЕНЩИНЫ»

рассказы

БУКЕТ ДЛЯ ЛЮБИМОГО ЗРИТЕЛЯ

— Только не говорите Гале, что я люблю маму! — всхлипывала девочка, размазывая по щекам концертный грим.

— Да что с тобой, Лизонька? Какой Гале? О чём ты? — руководительница детской танцевальной студии «Ромашка» Алевтина Петровна была в отчаянии: через пять минут их выход, а главная солистка коллектива Лиза Вертинская плачет навзрыд.

В руке девочка сжимала розовый телефон, по которому только что кто-то позвонил, — и вот истерика. Алевтина Петровна догадывалась, что в семье Лизы не всё гладко — на кружок её приводила бабушка, забирал отец — военный с непроницаемым лицом и суровой складкой меж бровей. Но чаще и забирала тоже бабушка.

Смолкли аплодисменты, за кулисы со сцены повалили дети из хора. Девочки-танцовщицы испуганно толпились вокруг руководительницы, пока та успокаивала солистку. Ведущая, шурша тафтой, снова взошла к микрофону: «А сейчас приглашаем на сцену победителя кремлёвского фестиваля, дипломанта конкурса «Щелкунчик», многократного призёра...»

Лиза перестала плакать, крепко, по-взрослому высморкалась в протянутый Алевтиной Петровной бумажный платок и послушно подставила лицо под быструю

кисточку гримёрши. Заиграла музыка, и девочки в установленном хореографией порядке поскакали на сцену. Алевтина Петровна облегчённо вздохнула.

Она повертела на ладони маленький розовый телефон с брелоком-сердечком и, мучимая угрызениями совести, открыла журнал звонков. Разговор, так расстроивший девочку, длился всего две минуты. Буква «М» с точкой — имя абонента. «Ладно, надо будет с бабушкой Лизы поговорить, — решила Алевтина Петровна, — но это потом». Она отодвинула край тяжёлой от пыли багрово-бархатистой занавеси и стала наблюдать за выступлением воспитанниц, отбивая ногою ритм.

Галина Сергеевна сидела в первом ряду и снимала танец внучки на смартфон. Каждый раз, глядя на девочку, она испытывала смешанные чувства: с одной стороны, её злило фотографическое сходство той с матерью, с другой — радовало равнодушие, которое Лиза проявляла в редкие часы свиданий с родительницей. Где-то в глубине души она всё ещё ревновала внучку к непутёвой своей дочери, но была уверена, что со временем девочка окончательно разберётся, что к чему, и поймёт: истинная мать — не та, кто родила, а та, кто вырастила и воспитала. С зятем Максимом в отношении Лизы у них было полное единодушие — самая престижная школа, самые лучшие учителя и репетиторы, самые дорогие наряды. Всё только самое-самое. А раз так — не место в Лизиней жизни матери-кукушке, которая ни пирог испечь не может, ни в зоопарк лишний раз не сводит — всё работа, работа... Не говоря уже о кружках. Их было три. Помимо танцевальной студии «Ромашка», — куда, кстати сказать, брали далеко не всех, но Галина Сергеевна подключила свои связи, и Лизу взяли, даже сделали солисткой, — были ещё занятия фигурным катанием во Дворце спорта и Школа юных моделей. Плюс индивидуальные уроки английского. Язык плохо давался Лизе, но Галина Сергеевна уже договорилась насчёт летнего лагеря имени Гарри Поттера, в котором, по убеждению Жанны Альбертовны, всё должно сдвинуться с мёртвой точки. Удовольствие не из дешёвых, но чего только не сделаешь ради будущего девочки. Внучка платила ей той же монетой: была ласкова, послушна, откровенна — рассказывала без

утайки всё, о чём расспрашивала бабушка, которую по её просьбе называла просто Галей. Ну, Галя и Галя! — кому какое дело, кем она приходится девочке — бабушкой, мамой или тётей.

— Не расстраивайся, Лизочек! — говорила Галя по вечерам, расчёсывая мягкой щёткой длинные волосы девочки. — Я не брошу тебя, как твоя мама. Ну не повезло тебе с ней — что теперь делать? Зато у тебя есть я и папа. Я и папа... — Галя мечтательно уводила взгляд куда-то в сторону. Рука со щёткой замирала в воздухе.

— А мама меня любит? — робко спрашивала Лиза, забившись под одеяло.

— Ну, раз она тебя бросила — как она может тебя любить? — приводила железный довод Галя.

— А она меня насовсем бросила? — уточняла девочка, стараясь придать крепости своему голосу.

— Ты же видишь — мы давно живём втроём: ты, папа и я. Разве здесь есть кто-то ещё? — начинала сердиться Галя.

А когда она сердилась, Лизе становилось совсем одиноко и неуютно.

— Завтра после фигурного катания пойдём с тобой в кафе-мороженое, — смягчившись, Галя потрепала девочку по подбородку. — Ты какое будешь? Фисташковое? В прошлый раз тебе очень понравилось.

Лизе хотелось сказать «шоколадное», потому что именно шоколадное они ели с мамой в тот единственный выходной, когда Галя уезжала к сестре в Калугу и папа разрешил им встретиться. Но вместо этого она послушно ответила:

— Да, фисташковое.

— Отлично! Я рада, что даже в этом наши вкусы совпадают, — обрадовалась Галя. — Ну, отдыхай, детка! Доброй ночи!

Она выключила ночник и наклонилась над подушкой Лизы, чтобы поцеловать её перед сном. Девочка зажмурилась изо всех сил и представила, что это не Галя сейчас наклоняется над ней, а мама. У мамы были мягкие тёплые руки, от неё пахло утренней подушкой и немного шоколадом. Это то, что Лиза помнила и не могла забыть, как ни старалась. Эти запахи и прикосновения никак не вязались с тем, что мама её бросила. В глазах привычно зашипало. Девочка замерла, затаив дыхание, чтобы Галя не заметила и не стала расспрашивать, как всегда, и не выудила из неё, в конце концов, призна-

ние, что мама её плохая и она ни капельки по ней не скучает. После таких слов Лиза долго не могла уснуть. Ей было стыдно перед мамой. Но и Галю тоже обижать не хотелось.

Скользкая от крема щека коснулась лица девочки, острый ноготь больно задел за ухо, но Лиза промолчала, притворившись спящей.

Танец подходил к финалу. Алевтина Петровна улыбалась, радуясь блестящему выступлению своих «ромашек», её нога по-прежнему отбивала ритм. Лиза Вертинская безупречно исполнила все сложные па, даже лучше, чем на генеральном прогоне. Молодец, девочка, собралась! Теперь, после этого концерта, можно рассчитывать не только на грамоту, но и на гастролы, а если повезёт — то и на фестиваль в Белграде. Оставался завершающий проход, в котором юные танцовщицы кружатся, как бы заводя одна другую. Солистка запускала это заразительное вращение в сложном затакте. И тут важно было не ошибиться с моментом. Но ближе к концовке Лиза стала вдруг рассеянной, начала озираться по сторонам, потеряла темп, а за ней и другие девочки замедлились.

— Кого она высматривает в зрительном зале? — не могла понять Алевтина Петровна. — Бабушка — вот она, в первом ряду.

Лизин отец находился сейчас в горячей точке. А если бы он и был здесь, то сидел бы рядом с Галиной Сергеевной.

— Раз, два, три, четыре! Темп, темп! — стала громко считать Алевтина Петровна, отбивая ладони в попытке восстановить ритм.

Но Лиза её не слышала. Вяло, будто на последнем дыхании, она закрутила финальное вращение, опоздав на полтора такта. Девочки вразнобой закружились следом. Зрители начали дружно прихлопывать — похоже, никто, кроме Алевтины Петровны, не заметил сбоя. Хотя нет, Галина Сергеевна заметила.

Галина Сергеевна замечала всё. И запоминала, а когда требовалось — распаковывала ячейки памяти, удивляя окружающих подробностями — отчасти сохранёнными, отчасти выдуманскими, но разницы никто не видел. Когда её дочь впервые взбрыкнула в девятом классе, послушавшись мать, Галина Сергеевна сочла это предательством. Но первым её предал муж, бросив одну с

трёхлетним ребёнком на руках, не объяснившись, не оставив ни рубля. Двадцать с лишним лет она растила дочь, пожертвовав ради неё всем, включая личную жизнь. Двадцать лет в одиночку тянула лямку. Двадцать лет покоряла чужой, неприступный город, в точности как героиня любимого фильма. И тоже не верила слезам. Ничьим. От дочери и требовалось-то взамен лишь капелька уважения — помолчать, согласиться, уступить — только и всего. Но нет — дочь выросла норовистой! — всё делала по-своему, наперекор. Зачем отца искала? Что он сделал ей хорошего? Почему вместо юрфака в акушерки пошла? Даже в мелочах настаивала на своём. Вот и живи теперь как знаешь!

Галина Сергеевна вспомнила безобразную сцену с криком, слезами и битьём тарелок. Ворох вываленной на пол одежды, который она топтала, пинала ногой. «Неблагодарная тварь!» — слышала она визгливый голос. И другой, хриплый: «Дай мне жить своей жизнью!» Зять в это время был в командировке, Лиза — в садике. После ссоры дочь ушла, а Максим остался. Как и подобает мужчине, он был слишком занят, чтобы разбираться в женских склоках. Галина Сергеевна объяснила уход дочери её вечной загруженностью, бессменными дежурствами в роддоме. Дескать, карьеру делает, на семью наплевать. Наплела что-то про служебный роман для вящей убедительности. Максим вдаваться в подробности не стал. Побыв три дня дома, снова уехал на службу. А когда вернулся — всё изменилось. Галя похудела, сделала новую стрижку и перманентный макияж. Волевым решением она оставила свою пожизненную бессрочную самозанятость и начала жить на дивиденды. Да и Максим неплохие деньги домой приносил. Галя обстирывала и обглаживала зятя с нерастраченной силой, выбирала ему галстуки и костюмы, готовила борщи и пельмени. Могла и стопку поднести после напряжённого дня, и массаж шейно-воротниковой зоны сделать. И, разумеется, помогала растить Лизу. Она чувствовала своим бабьим нутром, что жизнь подбросила ей ещё один, возможно последний, шанс быть наконец счастливой. Жить семьёй. Быть кому-то нужной, желательной — незаменимой. В том, что Галя стала незаменимой для Лизы, сомнений не было. Оставался Максим, но об этом она старалась не думать — всему своё время!

Уж из внучки-то она сумеет сделать человека! Уж Лиза-то её никогда не бросит, не предаст. Пройдут годы — спасибо скажет за её требовательность и прозорливость, за щедрые инвестиции в разностороннее развитие. И танцевать будет, и по подиуму ходить, и на коньках кататься, и на английском свободно говорить. «Может быть, на будущий год добавить этикет? — задумалась Галина Сергеевна. — Девочка ведь должна уметь вести себя в приличном обществе». А в том, что Лиза будет вращаться только в приличном обществе, не в пример своей упёртой матери, Галина Сергеевна нисколько не сомневалась.

Грянули аплодисменты, выбив из головы размышления о Лизинем будущем. Номер «Ромашек» завершал концерт, и теперь все участники выходили на сцену для общего поклона. Галина Сергеевна снова включила смартфон, чтобы запечатлеть торжество момента и отправить видео Максиму. Алевтина Петровна шепнула ей перед концертом, что Лизу наградят. Так и случилось. В числе избранных счастливиц Лиза получила из рук пухлого чиновника диплом в золотённой рамке и грузный букет. Тонкие детские руки поникли под тяжестью подарка. Когда отговорили спонсоры и почётные гости, ведущая в тафте, задорно трянув лаковыми кудрями, предложила награждённым передарить свои букеты самым любимым зрителям, находящимся сегодня в зале. Лиза вздрогнула.

Галина Сергеевна приосанилась и поправила причёску. Вот она — минута триумфа! Затрубили фанфары. Ребятишки один за другим стали спускаться в зал, телекамеры ловили растроганные лица родителей и выводили их на большой экран у сцены. И только Лиза стояла одна в слепящих лучах рампы — потерянная, оцепеневшая, неловкая. По её щекам текли слёзы. «Это от избытка чувств, — догадалась Галина Сергеевна. — Наверное, сама поняла, что оплошала сегодня с финальным вращением, боялась, наверное, что заметят». Но нет, не заметили (Галя не в счёт). А если и заметили — то простили. И потом дипломы были подписаны задолго до вручения, её оплошность ни на что не влияла.

Вязко тянулись минуты, а Лиза всё стояла посреди сцены. И уже Алевтина Петровна подошла к растерянной девочке и указала рукой на пер-

вый ряд, в котором сидела нарядная бабушка. Но только Лиза не спешила спуститься к ней, а всё высматривала кого-то в толпе у дверей. Наконец, словно очнувшись, девочка рванулась в зал. Но побежала она не к Гале, уже распахнувшей навстречу свои объятия, а куда-то вдаль, к видному только ей зрителю. Галина Сергеевна привстала от неожиданности, не веря собственным глазам. Смартфон выскользнул из рук в бархатное кресло и звонко шлёпнулся на пол.

— Мама, — беззвучно, одними губами произнесла Лиза, уцепившись взглядом за родное, но уже стирающееся в памяти лицо. — Мамочка! — хрипло позвала она окрепшим голосом и побежала быстрее, путаясь в чьих-то ногах, фалдах, любопытных взглядах. Тяжёлый букет бился о колени, шурша целлофаном, оставляя в проходе скользкие лепестки. Телекамера спешила за девочкой следом, бесцеремонно высвечивая, выставляя на всеобщее обозрение боль и радость, отражённые на детском лице.

Вот он — самый любимый её зритель в сегодняшней зале и в целом мире. Любимая, далёкая и желанная, стоящая в тесном проходе мама. Любимая, невзирая ни на что.

Когда полчаса назад мама, зашифрованная в телефоне под буквой «М», позвонила Лизе и сказала, что придёт на концерт, девочка ответила сначала заученными словами Гали: «Не надо. Я не нуждаюсь в этом». Но чужие, произнесённые пересохшим ртом холодные фразы разбились о мамин голос.

Девочка бежала по проходу, боясь обернуться на Галю, ведь тогда пришлось бы отвернуться от мамы. А она не могла этого сделать. Потому что опасалась потерять её из виду навсегда. За эти несколько мгновений, наполненные грохотом труб, гулом чужих голосов, дробью сердца, Лиза простила маме всё. И то, что та её бросила, и что живёт вдали от них с папой. Девочка забыла одинокие выходные, мокрую от слёз подушку и дождливые вечера, проведённые с куклой, названной маминым именем. Она не хотела ничего знать о том, что мама плохая и не думает ни о чём, кроме своей работы. Ей не нужны были ни зоопарк, ни фисташковое мороженое, ни летний лагерь под Лондоном. Лизе нужна была только мама, её мама с тёплыми ладонями и запахом шоколада по утрам.

...Прошёл год. Семья Вергинских перебралась из просторной квартиры Галины Сергеевны в пригород. Лиза оставила престижные кружки и записалась в клуб помощи бездомным кошкам. Папа научился сам выбирать галстуки и готовить пельмени. Мама перестала скрываться за буквой «М» и бояться, что бабушка навсегда отнимет у неё Лизу.

И никто уже не вспоминал то время, когда,

ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Термос был старый, китайский, с дугой стеклянной колбой и расплывшимся от частого мытья драконом. Он сохранился со времён дачных чаепитий, когда на одурманенной зноем и ароматом варенья веранде собиралась вся окрестная детвора, наслышанная о маминых пирожках с вишней. Почему термос, а не чайник? Мама считала, что в термосе крепче заваривается чай и дольше не остывает. А детям было всё равно — они приходили на пирожки.

Лида аккуратно отвинтила мягкую жестяную крышку, четко следуя извивам полустёртой резьбы, налила до краёв чашку с невнятным голубым пятном на месте бывшего василька. Чашка, ровесница термосу, мельхиоровая ложечка с царапинами от гвоздя, которым пятилетняя Лида пыталась отчистить благородную чернь, — эти старые вещи из дома в Каменке были для Лиды тем самым мостиком, что соединяет человека с его прошлым. До Каменки — пять тысяч вёрст, до детства — треть века вспять...

Лида придвинула к себе коробку свежих, принесённых дежурным писем и стала быстро перебирать конверты, пока не нашла нужный. Знакомый почерк выводил: Василенко Андрею Петровичу, и добавлял в скобках — «лично в руки». Но «лично в руки» не получалось — сперва с содержимым конверта должна ознакомиться инспектор Белозерцева, и только потом листок попадал в те самые руки. Лидия была цензором тюремных писем.

Эта редкая профессия досталась Лиде вместе с

опасаясь кого-то обидеть, они теряли что-то очень важное. Стремясь к компромиссу — упускали решительный момент. Стараясь быть хорошими — становились несчастными.

А Галя... Галя по-прежнему всё замечала и всё помнила. Её список предателей пополнился двумя новыми именами. Но она не теряла надежды стать для кого-то единственной и незаменимой.

поздним замужеством. Супруг — Николай Павлович Белозерцев, начальник колонии, человек серьёзный и основательный, — не знал, чем занять тоскующую по дому жену. В посёлке из общественных мест кроме тюрьмы — фельдшерский пункт и почта. Школу закрыли, детей сотрудников колонии возили в райцентр на автобусе. Белозерцевой предлагали место учителя русского и служебную машину, но трястись по ухабам каждый день не позволяло здоровье. Своих детей у Белозерцевых не было. Выдержав без работы полгода, Лидия согласилась читать сочинения — только не школьные, а тюремные. Первое время она по инерции исправляла ошибки, но вскоре научилась не обращать на них внимания. Читать чужие письма было неловко, будто в замочную скважину подглядываешь, но Лида свыклась — однообразие текстов притупило в ней чувство вины. В письмах Белозерцева искала запрещённые темы, зашифрованные в словах и цифрах преступные замыслы, а с некоторых пор и ненормативную лексику (в тюремной переписке запретили употреблять мат — почти одновременно с разрешением использовать его в художественной литературе). Что-то она вымарывала, что-то показывала тюремному психологу, подозрительное передавала в оперативный отдел. Работа давно превратилась в рутину, отвлекающую, впрочем, от круговерти надоедливых мыслей. Но однажды в руки цензора попало странное письмо.

В то утро, после ссоры с мужем из-за сбежав-

шего кофе, она молча стёрла с плиты бурю лужу, залила доверху старый термос и, отказавшись от машины, пошла на работу пешком.

Сизый бесснежный ноябрь перекатывал по мёрзлой земле сухие листья. Уцелевшие обречённо дрожали на ветру, ожидая своей участи. По ту сторону железной дороги хмурится окоченевший без снега лес. Здесь мёрзли все. Лида знала: как ни оденешься — всё равно замёрзнешь. Климат такой. Вот и носила с собой термос.

Кивнув дежурному, Белозерцева прошла через КПП, поднялась по гулкой лестнице на второй этаж, открыла ключом выстуженный за ночь кабинет и после первой согревающей чашки чая погрузилась в привычную работу. В одном из писем жена заключённого Телегина бранила мужа за перепрятанные без её ведома деньги. В другом — дочь жаловалась отцу на жадность отчима. В третьем — «заочная невеста» уговаривала своего «зайчика» потерпеть ещё пару месяцев, не подозревая, что у «зайчика» ещё две такие невесты в разных городах... Были в тюремных письмах перечни вложенных в посылки вещей, назидания хворающих родственников, требования дать развод и срочно жениться, оповещения о беременности, угрозы и обещания, просьбы и планы «новой жизни» после освобождения.

Отхлебнув из кружки, Лида привычным движением идеально отточенного ножа вскрыла очередной конверт:

«Дорогой Андрюша! Сынок! Я люблю тебя и горжусь тобой! — писала неизвестная мать. — Знай, ты поступил как настоящий мужчина. Твой отец сделал бы так же. Все мы в руках судьбы — твоя сила оказалась фатальной для негодя. Но если бы ты прошёл мимо, возможно, погибла бы та девушка, которую ты защитил. Я молюсь за тебя и прошу Бога простить твой невольный грех. И ты молись, сын».

Лида откинулась на спинку стула — такие письма не попадались ей прежде. Прочла обратный адрес: Белгород — совсем недалеко от Каменки. Белозерцева стала читать дальше, но уже не так, как остальные письма.

«Сынок, твою тетрадку я нашла и уже переносу первые главы в компьютер. Не очень быстро это у меня получается — зрение плохое, да и руки непослушные стали. Кнопки всё время путаю. Ну ничего, приноруюсь. Ты можешь передавать мне рукопись в письмах, это разрешено. А я

буду потихоньку перепечатывать. Не останавливайся, сынок, пиши! Этот год пройдёт, жизнь продолжится...»

Белозерцева отложила письмо. Кто может простить человеку все без исключения грехи, включая смертные? Только любящая мать да Господь Бог. А её, Лиду, и прощать теперь уж некому — мамы нет три года. И самой ей некого прощать...

Она потёрла сухие глаза и набрала номер тюремного психолога.

— Фёдор Николаевич, у вас есть что-нибудь на Василенко из третьего отряда?

— Подождите минутку, сейчас гляну, — в трубке послышалось клацанье клавиш. — Ничего, только первичная беседа была. Василенко Андрей Петрович, 1970-го года рождения, 109-я статья, осуждён на год. Прибыл к нам две недели назад. Что-то в письмах не так? — в голосе психолога мелькнула озабоченность.

— Нет-нет, в письмах всё в порядке, — Белозерцева запнулась, не зная, чем объяснить свой внезапный интерес. — Поговорите лучше с Телегиным, он жену без денег оставил.

— Хорошо, Лидия Сергеевна.

С того самого дня Лидия стала ждать писем. Но конверты летели только в одну сторону. Мать Василенко рассказывала сыну о Сонечке — взрослой, живущей отдельной жизнью дочери, передавала приветы от знакомых и друзей, делилась нехитрыми стариковскими новостями. И всегда приписывала в конце: «Я жду тебя, сынок. Я молюсь за тебя». Эта незамысловатая приписка часто доводила Белозерцеву до слёз. Лида списывала их на усталость и нервы, стараясь заглушить сентиментальность домашними делами.

Тянулись последние ноябрьские дни, а снега всё не было. Как-то раз за ужином Лида спросила захмелевшего от сытости мужа:

— Коля, скажи, ты мог бы из-за меня сесть в тюрьму?

— Это как? — муж перестал жевать и отложил вилку. — Преступление в твою честь, что ли, совершить?

— Не специально. Ну, например, если бы ко мне пристали на улице, ты защитил бы меня?

— Кому ты нужна, старушка? — муж покровительственно потрепал её по плечу. — А что, пристают? — спросил, посерьёзнев.

— А если б у нас дочь была и на неё напали бы хулиганы...

— Опять ты за своё! — раздражённо перебил её муж. — Ну, нет детей — ну, успокойся же наконец. Кошку заведи, что ли?

— При чём здесь кошка? — расстроилась Лида. — Я о другом спрашиваю! Вот если человек по 109-й осуждён.

— Ну. У нас два отряда таких. И что?

— Получается, благородство наказуемо? Выходит, опасно проявлять истинно мужские качества, защищать слабых — можно и в тюрьму загреметь?

— В тюрьму попадают лишь те, чьё благородство заканчивается смертью, — назидательно поднял палец Николай. — По неосторожности. А что это тебя вдруг Уголовный кодекс заинтересовал? В юристы собралась? Или инструкций не хватает?

— Хватает, — отмахнулась Лида, собирая тарелки. — И всё-таки, Коля, представь себе, что ты заступился за меня и нечаянно убил человека.

— Дура ты, Лида! Даже представлять не буду. Иди лучше поставь чайник, — муж развалился на диване и взял в руки пульт от телевизора. — Ну, иди-иди, что смотришь? И завари в нормальном заварнике, а не в этом своём допотопном термосе!

К концу зимы на колючую от сухого мороза землю выпал скудный, похожий на пенопластовую крошку снег. А на стол Белозерцевой легло ответное письмо Василенко матери. Лида неожиданно разволновалась и, взрезая конверт, поранила палец.

«Мама, здравствуй! — писал заключённый. — Прости за долгое молчание — всё не мог собраться с мыслями. Ты права: год пройдёт и жизнь продолжится — но какая? Если кому и нужна моя писанина, то только мне и тебе — время скоротать. Сонька всё равно читать не будет. Не заставляй её писать мне, ей это в тягость. А мне в тягость видеть её тягость. Сама глаза не ломай за компьютером — это лишнее. Просто складывай письма в ящик, приеду — разберусь. Отправляю тебе две главы, больше не могу — вес конверта ограничен. Да и не пишется здесь...»

В конверт вместе с запиской была вложена стопка мелко исписанных тонких, почти прозрачных листов. Нужно ли их проверять по

инструкции? — растерялась Лидия. Но спрашивать не стала, а читать в казённом кабинете не захотела — спрятала стопку обратно в конверт, а конверт, краснея и озираясь по сторонам, затолкала в сумку. А в этот день задержки никто не заметит — да и что меняет один день?

Так у осуждённого Василенко появился первый тайный читатель.

Читала Белозерцева ночами, под вой разгулявшейся зимы, запираясь в тесной кухне с клетчатым абажуром. Перед ней стоял термос с чаем — на случай, если увидит Николай, всегда можно сослаться на больное горло. А горло и вправду болело. Но больше горла болела душа, растревоженная записками незнакомого человека.

Рукопись Василенко бесконечно волновала Лиду. В ней он описывал свою жизнь, включая происшествие, из-за которого оказался в тюрьме. Главного героя звали Пётр Васильевич Андреев — эта нехитрая перестановка имён ещё больше подчёркивала автобиографичность истории. От судьбы героя захватывало дух, авторские отступления отзывались в сердце тихим замиранием, после которых кровь начинала пульсировать даже в кончиках пальцев. Лида согревалась. Описания природы были живыми и точными, будто автор видел всё, что происходило за глухими стенами колонии. Будто шёл вместе с Лидой вдоль железной дороги, мимо леса и торчащих вразнобой путевых будок. А когда Пётр Васильевич возвращался в детство — Лида вспоминала свои дачные каникулы, маму, чай на веранде и пирожки... Они мыслили одними категориями, видели мир одними глазами, любовались им, с горечью принимая его несовершенство. Язык Василенко был ясен и чист — Лида забывала порой, что читает письма арестанта, и только рукописные листки вместо сшитых в книгу печатных страниц возвращали её в действительность. В тексте не было ошибок — зажатая в пальцах по привычке красная ручка оставалась часами висеть над скользящей строкой. Белозерцева откладывала её в сторону и видела рубчик на среднем пальце, напомиравший ей о школьном, а потом и об учительском прошлом. Безвозвратном...

«Можно ли вернуться в прошлое? — Пётр Васильевич мерил шагами узкое пространство между зарешеченным окном и дверью камеры. —

Глупый вопрос! Тогда стоит ли о нём думать? Пережёвывать ошибки? Винить себя в том, что изменить уже нельзя?» — Лида отложила листок в сторону, размышляя вместе с героем. «А если ничего уже не изменить — откуда берётся эта изматывающая тоска? Почему мы храним предметы из прошлого, надрывая тем самым сердце, держа перед глазами напоминание о быстротечности и необратимости бытия?» — Лида перевела взгляд на термос, линялую чашку с остывшим чаем.

Дочитав очередные главы, Белозерцева складывала листки в конверт, а наутро возвращала письмо в общую стопку проверенной корреспонденции. И с нетерпением ждала продолжения.

Шли неделя за неделей. Миновала зима. Первые приметы грядущей весны в виде плачущих бородатых сосулек по углам тюремных корпусов появились сначала в рукописи Василенко, а потом и в жизни. Повествование обрастало персонажами, сюжет ветвился подобно молодому деревцу яблони. И вот в одной из глав появилась новая героиня.

«Она пришла домой усталая. Скинула в прихожей пальто, вдела ледяные ноги в тапки. Дом был пуст. Так же пуста была её душа...»

— Лида, ты дома? — позвал, нарушив пустоту, Николай.

— Да.

— Что с тобой происходит? В последнее время ты сама не своя, — Белозерцев с укором смотрел на жену, жуя на ходу бутерброд с колбасой. — Ладно, грей ужин.

— Я уже много лет сама не своя, — тихо ответила Лида, но муж уже ушёл.

Из комнаты доносился громкий звук футбольного матча.

Мысль о победе пришла двадцатого апреля, в годовщину смерти мамы. С утра Лидия отправилась в райцентр: сначала — в церковь, потом — на рынок. Повёз её Володя — личный шофёр Белозерцева. Ближе к обеду выехали обратно в посёлок. Но на полпути раздался звонок, после которого Володя, бегая глазами по обшивке салона, вспомнил о каком-то важном поручении Николая Павловича. Возвратились обратно, чтобы забрать на почте тугой пакет тюремных писем, которые обычно доставлял почтальон.

Лидия Сергеевна внутренне сжалась — неужели её рассекретили?

Письма Василенко теперь уходили дважды в неделю. Роман бурлил, приближаясь к кульминации. Белозерцева потеряла бдительность и однажды оставила стопку листов на кухонном столе. Вдруг Николай увидел их? Как теперь объясниться? Что сказать?

Но тревожилась Лидия Сергеевна не о том. Истинная причина была до слёз банальной. Когда они с Володей заносили пакеты с покупками в квартиру, вдруг повеяло ландышем. Тонкая душистая волна коснулась щеки Лиды и растворилась за спиной. Тапочки стояли носками к двери, а не наоборот, как оставляла Лида. Дверь в ванную была приоткрыта, полотенце валялось на полу. Муж вышел из комнаты, свежий и довольный, завязывая на ходу галстук гражданского костюма.

— К Семибратову вызвали, — пояснил он замершему на пороге водителю. — Сейчас и поедем.

— А ты всё в трудах и в трудах, аки пчела, — ласково заговорил Николай, торопливо чмокая жену в щёку. — Что празднуем? — спросил, взвешивая на руке тяжесть пакета.

— Маме четыре года, — выдавила Лида в глухую спину, застрявшую на миг в дверном проёме.

— А-а-а, ну ладно. Вечером буду.

Хлопнула входная дверь. Лидия медленно, ощупывая стену, побрела в спальню. Широкая, крытая атласным покрывалом кровать, достаточно просторная для того, чтобы в ней спали порознь, не касаясь друг друга, два давно ставших чужими человека, высилась брачным надгробием посреди комнаты. Лида механически выдвинула верхний ящик тумбы — среди вороха мужских мелочей лежала блестящая заколка с застрявшей в ней тонкой каштановой нитью.

Выходит, всё так и есть. Намёки сослуживец, косые взгляды дежурных, а она — Лидия Белозерцева — упрямо не замечала их, считая себя выше тюремных сплетен. Или не желала замечать? С удивлением, Лидия Сергеевна не обнаружила в себе ни жгучей обиды на мужа, ни ревности, ни горечи обманутой любви. Думать об измене было противно и вместе с тем облегчительно, ведь теперь у неё появился веский повод уйти. Вот только куда?

«Куда теперь?» — думала она, стоя возле окна. Дома её никто не ждал, но дом был, хоть и далё-

кий, и этого достаточно, чтобы к нему стремиться. А здесь — лишь временное общежитие для отчуждённых, оторванных от мира людей. Одно слово — тюрьма.

За что же цеплялась она все эти годы? За статус замужней женщины, доставшийся ей на четвёртом десятке? За слепую надежду иметь детей, угасшую вместе с чахлым подобием любви? За расстояние в тысячи вёрст, оправдывающее её отсутствие там, где ей надлежало быть? За чувство вины перед матерью, к которой приехала лишь за день до смерти, фактически убив её «по неосторожности»? Щит объективных причин, неодолимых обстоятельств, которым она защищалась всю жизнь, на поверку оказался не прочнее картонки. Но теперь ничто не держало её здесь...

В день объявления амнистии на стенде колонии вывесили списки освобождаемых. Такие же разослали во все службы, включая кабинет цензора. В перечне фамилий Белозерцева нашла «Василенко А. П.». Срок ему сократили на треть, датой освобождения назначили одиннадцатое июня. Значит, через пару недель история будет окончена. Лидия нисколько в этом не сомневалась, она чувствовала — развязка близка.

Вернувшись домой с новыми главами в конверте, Лида, не включая света, прошлась по квартире, в которой прожила девять лет. Щуплый сумеречный свет заложил усталые тени в комнате, казавшейся сейчас грубой декорацией к посторонней жизни. Всё здесь так и осталось чужим — тихие кресла, бокалы в серванте, низкая, будто вбитая в пол мебель.

Лидия распахнула шкаф, но вечер уже сгустил краски — одежда темнела в платяном саркофаге понуро и обречённо, ссутулив плечи, пригнувшись под грузом воспоминаний. Поколебавшись, Лида захлопнула дверцу и пошла на кухню готовить ужин. Она не уедет, пока не дочитает рукопись Василенко.

Последнее письмо попало к ней в руки за день до освобождения.

«Мама, здравствуй! Объявили амнистию, через три дня я буду дома. Так что это письмо, скорее всего, получу сам. Встречать меня не надо...» — Лида не стала дочитывать. Забрала домой вместе с последними главами.

Времени было в обрез. Чемодан она собрала ещё вчера и спрятала под кроватью. Ничего не стала брать — кое-что из одежды, несколько книг, термос и кружка — вот и весь багаж. Билет до Каменки лежал в сумочке вместе с документами и зарплатой за май. С Николаем Лида решила объясниться запиской — так спокойнее. И заявление об уходе оставит ему же — зачем сор из избы выносить? Он всё устроит.

Надо было как-то пережить сегодняшнюю ночь, не выдать себя. Но Николай ночевать домой не пришёл, известив запоздалой эсэмэской о срочной командировке в Барнаул. Участь Лиды была предрешена.

Оставалось одно — дочитать рукопись. Дрожащими руками Лидия развернула листы, но они оказались пусты. Просто белая бумага, аккуратно сложенная по размеру конверта. Лида бросилась перечитывать письмо Василенко матери, но ничего интересного там не обнаружила. Отдельно от письма и белых листов выпала записка:

«Здравствуй, мой добрый читатель!

Я понимаю твоё замешательство, когда вместо развязки — чистые листы и никаких точек над «i». Но ведь эти точки ты можешь расставить сам? Эпилога не будет. Случится завтрашний день, который — даже один! — может изменить все последующие. Можно ли вернуться в прошлое? Нет. Но можно вернуться в настоящее! Лишь бы это было стоящее настоящее. Без картонных щитов, привычного холода и пустых иллюзий...»

Всю ночь Лидия не сомкнула глаз. А утром сняла с руки кольцо, придавила ключом записку для Николая и, тихо притворив за собою дверь, отправилась в своё настоящее.

В тот же час из ворот колонии вышел неприемный человек в тёмной не по сезону куртке и, вскинув рюкзак на плечо, пошёл к ближайшему полустанку.

На перроне Лида увидела грубо крашенный синим почтовый ящик с паутиной у прорези и сунула в него освобождённое от чистых листов письмо. Издали за ней наблюдал странный тип с залысынами.

Василенко и Белозерцева ехали в одном поезде, десять километров вдвоём, одни в пустом вагоне. Они возвращались домой. На свободу. В настоящее.

ЧЕРНОВИК

Лето, наверное, никогда не наступит. Симеиз вымок насквозь от дождей, от тяжелой сырости, будто это вовсе не черноморский курортный городок, а какой-нибудь мрачный Копенгаген.

Ирина Витальевна сидела на террасе рыбного ресторанчика, где её знал уже весь персонал, включая официанта Мози — студента-нигерийца, подрабатывающего здесь во время летних каникул. Ирина Витальевна обслуживалась всегда только у него, не упуская возможности попрактиковаться в языках.

— Как обычно, капучино? — белозубо улыбаясь, спросил Мози на английском.

Он был горд этим предпочтением богатой клиентки, оставляющей щедрые чаевые.

— Да, Мози. Только в этот раз добавь в чашку десертную ложку коньяку, — попросила Ирина. — И смотри не перепутай: не чайную, не столовую, а десертную! Понял?

— Будет сделано! — ответил Мози и скрылся в дышащей искусственной прохладе глубине зала.

Ирина Витальевна рассеянно кивнула и принялась рассматривать затянутую туманной пеленой морскую даль.

Она приехала в Крым, чтобы немного прийти в себя после изнурительного развода с выматывающей перепиской и чередой судов. Итогом она осталась довольна, но сил потратила больше, чем ожидала. Турбин оставил ей четверть акций своей компании и дом в Карловых Варах, который хоть и нуждался в ремонте, но сулил безбедную, праздную старость среди целебных источников и истинных аристократов. Свой маленький, но живучий бизнес Ирина Витальевна перевела на дистанционное управление. Уже сейчас она могла отлучиться хоть на неделю, хоть на две — всё работало без неё как часы. Пришлось, правда, сменить троих управляющих, но четвёртый — Глеб — оказался вполне достойным. Не ленился, не воровал. К тому же был холост и хорош собой. Если бы не он, Ири-

на не сидела бы сейчас за чашкой капучино с коньяком и не смотрела бы на горизонт, который всё ещё дымился сердито и угрюмо.

Отдыхающих в этом году было мало — то ли погода помешала, то ли охватившая полмира пандемия. Но Ирине Витальевне не было до этого никакого дела. Она перебирала в уме свои регалии и достижения, ища в них опору и успокоение. Сравнивала себя с подругами, зачисляя очки в свою пользу. Ирина Витальевна понимала, что её жизнь, сотворённая ею самой, собранная по крупичкам, сложенная по кирпичикам, по всем параметрам удалась — и сомневаться нечего! Наверное, могло бы быть ещё лучше — ведь нет предела совершенству — но она к совершенству не стремилась. С каждого из трёх мужей Ирина получила приличную компенсацию за утраченную молодость. Сына определила в Болонский университет. Дочь выдала замуж за английского лорда. Чего ещё желать на пятом десятке?

По бульвару мимо Ирины, постукивая тросточками, прошла пожилая пара. Он — в соломенной шляпе с громоздким чёрным зонтом, она — в затейливой причёске из воздушных, невесомых волос.

Ирина засмотрелась на стариков, представляя, смогла бы она вот так доживать свой век? Ходить, опираясь на нетвёрдую руку спутника, укладывая выбеленные пушистые пряди в замысловатые кудели — зачем? для кого? Она увлеклась и не заметила подкравшегося сзади человека — прохладные ладони легли на её глаза. Нет, Мози не мог позволить себе такой вольности. Приехала Ирина сюда одна, причём скрытно. Тогда кто? Возмутиться? С негодованием откинуть незнакомые руки? Женские или мужские? Любопытство заставило её немного помедлить.

— Иришка-мышка везде торопыжка! — раздалось из-за спины.

Так её могла называть лишь Томка Шуйская, с которой они сидели в школе за одной партией. Ирина резко обернулась, отбросив прохладные

руки. Так и есть — перед ней стояла бывшая одноклассница, узнать которую стоило немалых трудов. Бесформенный сарафан, раздавленные бёдра, нелепая сумка с бахромой. Лицо неухоженное, без намёка на макияж. Только собранные всё в тот же хвост волосы и вечно ликующие не по делу глаза. Собственно, по глазам и хвосту Ирина Витальевна и узнала Шуйскую.

Они не виделись больше двадцати лет, не считая встречи одноклассников, на которую обе опоздали и просидели за общим столом с полчаса от силы. Ирина Витальевна помчалась в аэропорт, чтобы лететь в Копенгаген, а Томка забирать из садика Костика.

Они никогда не были близкими подругами, но что-то заставляло их приятельствовать. Общая парта — исключительно из-за зрения. Обе носили очки, только Тамара — страшные стариковские, доставшиеся, видимо, от бабушки, а Ирина — модные, в тонкой оправе, а потом и вовсе перешла на линзы. Кроме звучной фамилии, в Томке не было решительно ничего аристократического. Она никогда не отличалась ни вкусом, ни манерами, ни кругом общения. Смеялась громко, невпопад, мечтала неистово и всех вокруг жалела.

— Иришка, что ты здесь делаешь? — удивилась Томка, разглядывая подругу детства. — Ух, и шикарная же ты! — она подняла руки Ирины, словно собираясь с нею вальсировать.

— То же самое я хотела спросить у тебя, — ответила Ирина Витальевна, затрудняясь выбрать манеру и тон беседы.

— А, да я тут сейчас живу! — беспечно махнула рукой Томка в сторону бульвара. — На Приморском, 24. Знаешь, где это? Приходи в гости!

— погоди, ты ведь жила в Ростове?

— Ну, правильно, я там и живу! Только на лето приехала с Вадиком сюда. Мы комнату снимаем. Он у меня художник, пишет морские этюды. А я — вот это, — она достала из сумки испещрённые круглым ученическим почерком тетрадные листы. — Черновик.

— Что же это будет? Бестселлер всех времён и народов? — ухмыльнулась Ирина, бросив небрежный взгляд на ворох никчёмной бумаги.

— Не знаю, что получится, — пожалала плечами новоявленная писательница. — Помнишь, Нина Петровна говорила, что сочинение — это не мой конёк?

— Извини, не помню.

— Неважно. Я и сейчас не уверена, что это моё. Но знаешь, когда я пишу — просто улетаю!

— Куда ж ты улетаешь? — Ирина Витальевна смотрела на Томку и не могла поверить, что они ровесницы.

— Туда, о чём пишу! — та мечтательно подкатила глаза. — Я будто бы путешествую.

— А что, на обычные путешествия денег нет?

Налетевший ветер надул парусом Томкин сарафан, а потом хлестнул его обратно. Выцветшая, в жёлтый горох материя облепила живот — круглый, тугой, с выпирающим пуговицей пупком.

— Боже, Томка, ты что, беременна? — всплеснула руками Ирина.

— Ну да, — залившись краской, призналась Тамара. — От Вадика. Поздновато, конечно...

— Это твой новый муж, что ли? А как же Игорь?

— Нет, Вадик мне не муж ещё, но как только родится ребёнок, мы распишемся. А Игоря я похоронила четыре года назад.

— Ох, прости. Не знала, — смутилась Ирина.

— Да ничего, я уже привыкла.

— Костик вырос — лет двадцать ему?

— Двадцать два. Сам отец уже! Вот дядя будет младше племянника, — Томка смущённо погладила живот. — Да что мы всё обо мне да обо мне! Лучше о себе расскажи! — глаза её снова вспыхнули девичьей радостью. — Ты такая красивая! Всегда лучше всех была! И умнее всех!

Ирина Витальевна смерила одноклассницу долгим взглядом. Есть ли смысл рассказывать ей о своих достижениях? Поймёт ли? Оценит ли? Что она понимает в этой жизни? Одета кое-как, за собой не следит. Как всегда, витает где-то в облаках. Ни денег нет, ни мужиков нормальных. А теперь ещё и возраст в нагрузку.

— Чем ты занимаешься? — подсказала Томка.

— Бизнесом, — сдержанно ответила Ирина.

— Ух ты, как здорово! Но ты всегда отличалась от всех нас. Была самой лучшей в классе!

— Да что ты заладила: лучшая, лучшая.

— Но ведь ты и вправду лучшая! — не сдавалась Томка, хлопая белесыми ресницами.

Ирина Витальевна принуждённо, под напором Томкиного энтузиазма рассказала о своих успехах, о международной премии, о дистанционном управлении и удачной оптимизации предприятия. Чем больше она говорила, тем глупее дела-

лось выражение лица Шуйской. Ирина поняла, что мечет бисер: их жизни настолько далеки друг от друга, что понять хотя бы десятую долю услышанного Тамара просто не в состоянии. Но восторгалась она так бурно, что в какой-то момент Ирина Витальевна усомнилась в её душевном здоровье. В самом деле, нельзя же так по-телячьи радоваться успехам бывших одноклассников (если, конечно, твои собственные успехи не превышают их многократно). «Успехи» Шуйской говорили сами за себя: пупок в сорок с лишним лет, сомнительный сожитель-художник и, как всегда, ветер в голове.

Явился Вадик — шуплый, жилистый мужичок в полотняных тапочках, совсем не похожий на художников, которые обыкновенно ходят в свободных, заляпанных краской блузах, носят бархатные береты и влюбляются в роскошных натурщиц. Не было у Вадика ни берета, ни блузы, а Томка на натурщицу не тянула и в молодости.

— Вот, познакомьтесь: моя школьная подруга Ирина, а это мой Вадим, — защebetала Томка, кружась между ними ситцевым волчком.

— Здравствуйте, — бесцветно произнёс художник, не вдохновившись ни красотой Ирины, ни её тугим кошельком. — Ну что, пошли домой? — обратился он к Томке.

Ирину Витальевну задело равнодушие художника. Ещё больше кольнуло, когда тот заботливо поправил прядь Томкиных некрашенных волос, нежно коснулся живота.

— Вы сегодня что-нибудь писали? — властно спросила она, отпивая глоток капучино с коньяком.

— Да, несколько этюдов сделал, — удивился неожиданному интересу Вадим.

— Покажите!

— Прямо здесь?

— Прямо здесь! — потребовала Ирина. — Мози! — крикнула она в сторону открытой двери.

Тотчас у стола появился чернокожий официант и спросил по-английски, что желает мисс. Кроме Ирины его никто не понял.

— Сделайте так, чтобы мы могли посмотреть картины! — приказала Ирина Витальевна.

Мози принялся суетливо расставлять стулья под холсты. Потом опустил полог, чтобы было лучше видно, принёс прохладительные напитки на всех.

Вадим достал из этюдника несколько ещё бугристых акварелей и начал расставлять на стульях. Листы соскальзывали, Томка подставляла под них всё, что попадалось под руку — солонки, переносницы. Наконец импровизированная галерея была выставлена на обозрение одной-единственной зрительницы.

Акварели были посредственными. Пожалуй, только одна из них заслуживала внимания. Картина была вовсе не с морем, а с дождём в раскрытом окне. Прошитая упругими стежками дождевых струй, пробитая гвоздиками капель, пропитанная невидимыми слезами, она была насыщена влагой и безотчётной тоской. Её и пожелала купить Ирина Витальевна.

— Сколько? — спросила она, небрежно ткнув в неё пальцем.

— Вы хотите её купить? Но работа ещё не закончена.

— Неважно. Я куплю незаконченную.

— Тридцать евро. Но, может быть, заберёте её завтра? Я смогу дописать...

— Вот, возьмите, сдачи не надо! — Ирина положила под пепельницу купюру достоинством сто евро. — И подпишите! Вы ведь славы желаете? — отчего-то разозлилась она.

— Я незаконченные работы не подписываю, — нахмурился Вадим.

— Что, и за сто евро не подписываете? Да вы за сто евро должны быть готовы пустые холсты подписывать.

— Извините, я не готов, — глухо произнёс художник и стал складывать акварели обратно в этюдник.

— Ладно, я согласна без автографа. — Ирина Витальевна схватила этюд с дождём в окне и впиалась глазами в сырые разводы.

Интересно, где же писалась эта картина? Наверное, на Приморском бульваре, 24, куда звала её в гости непутёвая Томка. А когда? В один из тех пасмурных дней, которые Ирина Витальевна провела на этой террасе? Или раньше? О чём думал автор, когда работал? Или о ком? Неужели о Томке? Тоже мне, муза брюхатая.

Пока Ирина Витальевна рассматривала незаконченную картину, лёд плавился в кувшине с ежевичным морсом, а Мози стоял навтыжку возле её стола, Вадим с Тамарой тихо ушли.

Под стулом белел выпавший из общей кипы лист Томкиного черновика. Бумага намочена,

все буквы слились, разобрать что-то было практически невозможно. Да и что путного может написать Томка? Ирина всё же подняла размокший лист, но, кроме разрозненных слов «вдруг», «и теперь», «в морской дали», ничего не смогла прочесть.

Небо неожиданно расчистилось. Тугое, как Томкин живот, солнце, раздвинув пелену

дождя, озарило мир. Оно улыбалось так же наивно и лучезарно, как и Томка. Без повода и невпопад. Ирина Витальевна отложила неоконченную картину и беззвучно заплакала...

ВАРЕЖКА

Изабелла Петровна была женщиной умной, образованной, всеми уважаемой. Природа не обошла её ни красотой, ни талантами. Ей никто не давал больше шестидесяти, хотя она давно переступила порог восьмого десятка. Но до сих пор закрашивала седину, держала гордо спину и не выходила из дому без яркой помады на губах.

Изабеллу Петровну ценили в трудовом коллективе, где она проработала двадцать пять лет, дослужившись до начальника отдела. При выходе на пенсию вручили путёвку в Сочи (между прочим, не каждый пенсионер НИИ удостоивался такого подарка — в ходу были часы да уютги).

Изабеллу Петровну всегда окружали подружки, среди которых были и весьма выдающиеся. Например, оперная певица Регина Калмыкова, с которой они познакомились в санатории. Изабелла Петровна много лет ходила потом в музыкальный театр по контрамарке, сидела на приставном стуле и знала наизусть весь репертуар. Или взять диктора рижского телевидения Эмилию Сергеевну, которая дружила с женой Раймонда Паулса. Однажды Эмилия пригласила Изабеллу к себе в гости в Ригу на католическое Рождество, пообещав познакомиться с маэстро, но некстати прорвало батарею, и поездку пришлось отменить.

Изабелла Петровна прекрасно читала стихи, особенно любила декламировать под рояль. Однажды с поэмой «Мцыри» она выиграла городской конкурс чтецов, была награждена по-

чётной грамотой и билетом в Останкино на запись «Голубого огонька». Видела своими глазами Льва Лещенко и Софию Ротару. Полдня пила шипучку, слушала выступления и по команде ассистента кидала серпантин. После записи в Останкино была Третьяковская галерея и ГУМ. Словом, культурная жизнь Изабеллы Петровны была яркой и насыщенной.

Вот только с дочерью не повезло. И в кого только такая уродилась? Не иначе в отца, в светлаковскую их породу. Дочь Таня с детства была дерзкой и колючей. Прекрасным не интересовалась. На лицо — так себе, носатая в отца да в тётку Дусю, глаза — дедовы, от Изабеллы только волос густой достался, да и то поседела рано, как и все Светлаковы. Краситься дочь не умела, на просьбы матери замазать прыщи огрызалась. Одевалась как придёт. Не было в ней ни женского шарма, ни грамма кокетства. Правда, училась всегда на одни пятёрки, а потом важные посты занимала — хоть чем-то можно было гордиться Изабелле Петровне. Зато гонору у Татьяны! Всё всегда делала по-своему, наперекор ей. А в последние годы и вовсе отвернулась — не звонит, не заходит, не интересуется ни здоровьем, ни культурной жизнью матери. Как чужая. Впрочем, чужой она стала ещё раньше, когда стала заступаться за отца — неотёсанного невежу, с которым промаялась Изабелла Петровна без малого полвека. А как помер отец — так и вовсе замкнулась на все замки, будто и нет у неё родной матери.

Изабелла Петровна развернулась в кресле и, не вставая, достала с полки новый сборник кроссвордов. Щёлкать кроссворды было её любимым развлечением. Именно в этом занятии открывалась вся глубина её эрудиции, вся мощь незаурядной памяти. Ну и о медицинских показаниях она не забывала — ведь известно, что интеллектуальная деятельность вроде разгадывания кроссвордов отличная профилактика болезни Альцгеймера и прочих проявлений старческого слабоумия. Покойный муж отмахивался от её советов — и вот результат: на склоне лет стал нелюдимым как бирюк, не спал по ночам, заговаривал сам с собой да людей в парке пугал своими ужимками. Хоть кол на голове теши! Но теперь тесать кол было не на ком.

Не успела Изабелла Петровна вставить шестым по горизонтали слово «телефон», как аппарат на тумбочке громко затрещал.

— В филармонию пойдешь? — с ходу спросила Нина, её товарка по культпоходам. — Мне Светлана Игоревна четыре билета обещала.

— Разумеется, — Изабелла Петровна никогда не отказывалась от возможности бесплатно насладиться классической музыкой. — А кто ещё идёт?

— Марина с мужем, — ответила подруга.

— Так он же у неё глухой на оба уха и после инсульта еле ходит? — удивилась Изабелла Петровна.

— Да, знаю. Но говорит, только с ним или не пойдёт вовсе. Слушай, а может, Татьяне своей предложишь?

— Таньке-то? Что ты — её не дозовёшься, она занятая! К матери дорогу совсем забыла, — размотав шнур и уютно устроившись в кресле, Изабелла Петровна оседлала любимую тему. — Начинаю рассказывать ей что-то, а она только «да» или «нет». Всё некогда ей. Как про отца заговорю — так и вовсе «кошки в дыбошки». И за что мне такое мучение? Вот уродилась-то дочка — врагу не пожелаешь! У всех дети как дети, а у меня... — она закатывала глаза и переносилась в ту самую весну с бескровным небом и тонкими стебельками бледных тюльпанов, зажатых в руке Толика.

«Белла, Беллочка, рыжая белочка, — бормотал он, узнав о случайной беременности. — Оставь ребёночка, я буду лучшим отцом в мире!» Стоял на коленях, умолял, плакал, обещал звёзды с небес, только бы Белла аборт не делала. Уговорил. Оставила. И что? Полюбуйтесь, что получилось! Вся жизнь после этого пошла наперекосяк. Звёзд Изабелла Петровна от мужа так и не дождалась — да и что ждать от неудачника? Поспешно расписались, пока не было заметно живота. А летом сыграли свадьбу, в деревне, у Толиковой родни. Ну как свадьбу? Нагнали самогонки, закололи поросёнка. Поставили под старыми яблонями столы, настелили лавки да посуду по соседям собрали. Гармонь и бубен. Вот и вся свадьба. Из гостей — Толикова мать, сестра Дуська и Лёшка, деревенский сосед, он же свидетель. С Беллиной стороны кроме дядьки и нескольких институтских подруг никого не было. Зинаиду Николаевну Белла не пригласила принципиально. Она и матерью-то её перестала называть, как только узнала, что та ей и не мать вовсе, а так, только опекунша. Понятное дело, опеку взяла под напором мужа-фронтовика — родного Беллиного дядьки. Своих детей у них не было. Но паспорт с чужой фамилией, выданный на совершеннолетие, всё расставил по местам. Обида на Зинаиду Николаевну, тлевшая долгие годы, получила документальное обоснование, обросла новыми колючками. После выпускного Белла собрала чемодан и уехала учиться в Самару. Не писала — да и с какой стати писать чужим людям? Вернувшись, поставила перед дядькой вопрос ребром: или я — или она (имея в виду мачеху). Дядька долго решал, но так ничего и не решил. Умер от старой фронтовой раны за месяц до родов. Сразу после похорон Зинаида Николаевна молча переехала к сестре, оставив квартиру молодым. И Белла стала считать себя отныне сиротой.

Ровно в середине зимы родилась Тата. Дурацкое прозвище, данное дочке мужем, выводило Изабеллу из себя. Ещё больше злила его внезапная нежность к малышке. «Таня», — поправляла она, туго пеленая крикливую, худосочную девочку с оттопыренными ушами. Но Толик лишь улыбался, стелил в коляску

стёганое одеяльце и уходил со своей Татой в парк. Белла дулась, но недолго. Ставила пластинку Вивальди, наряжалась перед зеркалом, утягивая шелками расплывшую фигуру, со вкусом красила ресницы и шла с незамужними подругами в «Шоколадницу».

Дочь росла гадким утёнком — худой и нескладной. Вечно сутулилась, за что частенько получала от Беллы хлёсткие напоминания по острому, торчащим вразной лопаткам.

— Девочка должна ходить гордо, нести себя, как хрустальную вазу! — наставляла Изабелла, показывая на себе пример правильной, горделивой осанки.

Но Тата, упрямица, стоило только матери отвернуться, снова вжимала голову в плечи и плелась на полусогнутых ногах во двор, играть в классики. Или запрётся у себя в комнате с книжкой и ничего не слышит — не дозовёшься! А иной раз глянет исподлобья — чисто тётка Дуся, аж оторопь берёт! Если бы Изабелла Петровна только знала, что в роду у Светлаковых есть психбольные, — ни за что бы не поддавалась на уговоры Толика. Но что теперь говорить!

Однажды, когда Татьяна ещё училась в институте, Изабелла Петровна взялась как-то разбирать её письменный стол. В нижнем ящике среди старых конспектов обнаружила тонкую пачку перехваченных резинкой писем. Все они были адресованы отцу, когда тот лежал в больнице с сердцем. Дрожа от нетерпения, мать вскрыла первое, что попало под руку, и сразу наткнулась на приторное сюсюканье: «Дорогой папочка, — писала дочь, — ты, главное, ни о чём не волнуйся. Я тебя очень люблю. Тётю Дусю я обязательно навещу...» — и всё в таком же духе. Остальные письма полны были тех же слащавых признаний. И это писала Танька, от которой слова доброго не дождёшься! К тому же выяснилось, что она знает не только с психической Дуськой, но и с Зинаидой Николаевной, тайком шляясь к той в гости. Выходит, отец со своей роднёй и чужая бабка ей дороже родной матери?!

Изабелла хотела порвать письма, но взяла себя в руки. Затаила обиду. На дочь за то, что та, оказывается, способна на телячьи нежности. На мужа, которому они достаются. На их

общую тайну, существовавшую помимо неё, на подпольное чувство — незаслуженное, неравномерное, неподвластное её воле. Уж она-то себе цену знала! Но отчего-то эти двое не считались с её самооценкой. И вообще ни в грош её не ставили! Следом накатила обида на судьбу за все унижения, предательства, за неопределённую её жертвенность. Изабелла Петровна почувствовала себя горько и подло обманутой.

Когда вернулся с работы Толик, первым делом потребовала объяснений у него. Но тот лишь привычно махнул рукой и отправился на кухню чистить картошку. Через десять минут на плите зашкворчало, он вышел розовощёкий, миролюбивый — видно, где-то уже приложился! — полез обниматься и признаваться в любви.

Танька — та наоборот, зыркнула зверем и заперлась в комнате. Ни слова не сказала в своё оправдание. Но после этого ни разу Изабелла Петровна не могла отыскать ни листочка личного. А потом и вовсе появились компьютеры, и Татьянина жизнь стала для неё непроницаемым чёрным ящиком. Впрочем, дочь никогда не отказывала матери в её просьбах о помощи — отвезти, привезти, купить, забрать — это пожалуйста. Но делала всё без огонька, бесчувственно, точно робот. А Изабелле Петровне требовалась любовь. И дочерняя нежность, положенная ей по праву кровного родства.

Несколько раз Татьяна писала матери письма. Но Изабелла Петровна на них не отвечала. «Что толку? Зачем связываться с больными людьми?!» — думала она, читая торопливые, плачущие навзрыд строки. Совершенно же ясно, что подобный бред мог написать лишь человек не в себе. Танька таковой и была. Как и папаша её на старости лет. Видимо, Дуськины гены как-то передались по кривой в Толиков род. Эх, природа-мать!

Лишь культура, книги и интеллектуальное общение спасали Изабеллу Петровну от скуки и примиряли с несправедливостью судьбы. Да ещё сериалы по телевизору, уносящие в дальние дали, да кроссворды, да подруги, которым в любое время можно было рассказать о своём сиротстве, о постылом муже, отнявшем лучшие годы её жизни, о Танькиной неблагодарности. Тем и утешалась.

В третьем часу ночи зазвонил телефон. Изабелла Петровна убавила звук телевизора и, путаясь в полах халата, поспешила в коридор. Кто бы это мог быть в такой час?

— Не спишь? — спросил глухой, отдалённо знакомый голос.

— Кино смотрю, — механически ответила полуночница. — Кто это? — рука, сжимающая трубку, дрогнула.

— Белла, ты что, не узнаёшь меня? — удивился собеседник по ту сторону провода.

— Нет, — пробормотала женщина.

— Беллочка, ну хватит притворяться! Лучше скажи, ты уже придумала имя?

— Какое ещё имя?! — вспыхнула Изабелла Петровна. — Что за глупый розыгрыш? Прекратите немедленно! Кто вы? Если сейчас же не представитесь — сообщу в полицию! — приклеенное к трубке ухо уловило издевательский смехок.

— Пожалуйста, если ты забыла — напомню: Анатолий Григорьевич Светлаков! — отработовал ночной абонент. — Белла, ну хватит дуться! Лучше скажи — как назовёшь нашу дочку? Я уверен — это будет девочка! Такие красивые мамы должны рожать только дочек!

— Никакой дочки не будет! Ты меня обманул! Ты любишь её больше, чем меня! — взревела Изабелла Петровна. — Сволочь! Предатель!

— Что ты такое говоришь, Беллочка! Как я могу её любить больше тебя?! Её же нет! И потом я никого никогда не смогу полюбить больше, чем тебя!

— Врёшь, скотина! Смог! Смог! — вопила в трубку Изабелла Петровна. — Поэтому её не будет! Никогда!

Телевизор сам собой прибавил громкость, и по квартире разлилась ария Ленского из «Евгения Онегина». В стену заколотили. Изабелла Петровна швырнула трубку и распалённая кинулась к висящему в простенке зеркалу. Оттуда на неё смотрела медноволосая красавица с узкими монгольскими глазами. Шелковый халат разметался над круглым животом. Из крошечной тьмы, сгустившейся позади медноволосой, выступил Толик — но не тот молодой, только что говоривший с нею по телефону, а старый — с впалыми щеками, небритый, в

больничной пижаме. Он улыбался пустым ртом и тянул к ней узловатые руки: «Белла, Беллочка, рыжая белочка...».

Изабелла Петровна вскрикнула и проснулась. Села, тяжело дыша, выпрастывая из-под себя перекрученный халат. Телевизор работал на полную мощь. Нашупав пульт, она погасила экран и некоторое время сидела в тишине. Потом встала и пошла на кухню, шаркая тапочками.

Часы показывали 5:30. Мысли путались. Гудели трубы. Засохшая ветка царапала оконное стекло. Окно было таким мутным, что наступление дня Изабелла Петровна угадывала по звукам. Раньше окна мыл Толик. Ещё раньше — Зинаида Николаевна, но очень давно, когда Белла ещё в школе училась. Когда ж это было? Десять, двадцать, сорок лет назад? А форточка уже тогда заедала...

Изабелла Петровна вдруг с ужасом поняла, что теряет память. Свою феноменальную память, которой так гордилась. Она давно забыла, сколько ей лет, есть ли у неё дочь или она так и не родила её, вопреки уговорам Толика? Жив ли муж, лежит ли снова в больнице? В какой? Или она похоронила его? Когда? Где?.. Вопросы беспокойно металась в её голове, натываясь на глыбы выученных наизусть поэм и арий, на словари, либретто, афоризмы, имена греческих богов и памятные даты. Одно она помнила наверняка: жизнь была несправедлива к ней. Судьба не сложилась — и в этом были повинны другие люди. Те, которых она так и не могла ни вспомнить, ни забыть.

Утро прокралось в кухню воробьиным гамом, дребезгом первого трамвая и шарканьем метлы. Серая кухня чуть выцвела и поголубела. Изабелла Петровна поставила чайник, включила радио — по «Маяку» передавали Хабанеру из «Кармен». Под финальные аккорды арии в замочной скважине послышался скрежет ключа, на пороге появилась женщина с седой чёлкой. «Из собеса», — догадалась Изабелла Петровна. Раз в две недели она приходила к ней, приносила лекарства, кроссворды, оплаченные квитанции. Изабелла Петровна не помнила, когда и как записывалась на со-

циальное обслуживание, но раз положено по закону — пусть приходит. Правда, она давно собиралась написать заявление, чтобы прислали кого-то ещё вместо этой странной, так похожей на Дуську сотрудницы. Только не знала, как это сделать.

Выложив из сумки пакет с лекарствами и свежую стопку кроссвордов, женщина засучила рукава, взяла в кладовке ведро с тряпками и встала перед кухонным окном.

— Мыть собралась? — сурово спросила Изабелла Петровна.

— Помою, — кивнула женщина. — А то совсем света белого не видно.

— Ишь ты, не видно ей, — пробурчала под нос хозяйка, но возражать не стала. Да и кто ещё согласится мыть ей окна бесплатно?

Она взяла брошюру с кроссвордами и пошла поближе к телевизору. Там как раз «Час оперетты» по каналу «Культура» должен начаться. А то эта сейчас раскроет окно — сквозняк будет.

Окно было старым, тугим, из окаменевшего дерева, с натёками многолетней краски — сейчас такие редко встретишь. Сползшая с петель узкая форточка так часто смазывалась маслом, что совсем перестала вмещаться в проём и болталась как ей вздумается. Только загнутый уголком гвоздик мог урезонить её в ветреную погоду.

Незнакомка спустила на пол буйный куст алоэ с жёсткими колючками на увядших листьях, сложила в раковину разнокалиберные чашки с отколотыми ручками, треснутые миски, пустые контейнеры, заполонившие широкий подоконник. Сняла прогорклую штору, смела веником сухие листья, хлопья пыли и паутины. Она попыталась открыть окно, но шпингалет намертво врос в вековой слой краски. Форточка дрожала в ответ на жалкие потуги расшевелить раму. Пришлось воспользоваться молотком. Женщина ударила по шпингалету и стучала до тех пор, пока не выбила его из гнезда. Дёрнула ручку изо всех сил, ещё раз — створка с треском распахнулась, прыснув сухой краской. Между стеклом, среди жёлтой ваты, тополиного пуха, слюдяных крыльев мотыльков и прочей трухи обна-

ружилась... старая сваявшаяся варежка. Уборщица отложила её на край стола и продолжила сражение с окном. Вторая рама подавалась легче. Обнажился ржавый отлив в голубином помёте.

Женщина энергично вспенила воду и принялась слой за слоем смывать вековую грязь, помогая себе скребком и щёткой. Вода стекала мутными ручьями на предусмотрительно подстеленную клеёнку. Ошмётки птичьего помёта, липкой паутины летели в мусорное ведро. Несклько раз менялись вёдра, тряпки. В ход шли газета и нашатырь. Широкий подоконник оттирала пастой в несколько заходов. Наконец осталось лишь вытереть насухо стёкла и вернуть створки и шпингалеты в первоначальное положение. Женщина работала неистово, в каком-то обречённом иступлении. Когда работа была почти завершена — оставалось только закрыть окно, — налетел ветер и чуть не сдул худую, нескладную фигуру работницы в оконную пасть, но та успела схватиться за раму. Рама скрипнула, но удержала её вес.

— Развела тут сквозняки! Простудить меня хочешь? — раздался недовольный голос и на пороге кухни появилась Изабелла Петровна с карандашом и кроссвордом в руках.

Старуха зажмурилась от яркого до боли света, хлынувшего сквозь вымытое окно. Закрывает лицо руками, а когда отняла ладони, взгляд её упал на старую варежку, лежавшую на краю стола. Изабелла Петровна хотела было выругаться на то, что работница всякую дрянь на стол кладёт, но вместо этого неожиданно всхлипнула. Нахмурила брови, намереваясь предъявить претензии, но не смогла вымолвить ни слова. Подбородок её задрожал. Карандаш выпал из рук.

«Мама Зина», — выдавила она, и слёзы полились из её глаз. Она вспомнила всё об этой варежке с уродливой снежинкой. Как мама потеряла вторую в парке, когда катались с горки. А уцелевшую приспособила под прихватку. Как брала этой варежкой чугунную сковороду и ловко вставляла её в форточку, чтобы поскорее остудить слишком горячий ужин. Как пришла к варежке петельку для удобства — так можно было вешать её на крючок. Изабелла Петровна всхлипывала как в детстве, когда од-

нажды мама долго не забирала её из садика и казалось, что она уже никогда не придёт за ней. Вспомнила поминутно тот день — пыльный и душный, толстые пальцы паспортистки, документ с чужой фамилией и виноватые глаза матери. Как объявила ей бойкот, промолчав три недели, не проронив ни слова. Только отцу, разжалованному в дядю Сашу, позволяла пару-тройку дежурных фраз. Как придумала называть неродную мать по имени-отчеству — Зинаидой Николаевной. Как вздыхал от этой перемены дядя и хватался за сердце. В памяти всплыли их письма в Самару, ни одно из которых не было удостоено ответа — так велика была обида. Изабелла Петровна видела себя как в зеркале — вот она вернулась домой, гордая и независимая, с красным дипломом. А спустя полгода познакомилась с Толиком. Вспомнила, как запретила маме появляться на свадьбе. И её глаза — сухие и обречённые. Долгие-долгие годы она отталкивала мать, находя тысячи причин и объяснений... И ещё она вспомнила, что Толик сумел уговорить её не делать аборт. И что родилась девочка, как и хотел муж.

Изабелла Петровна медленно перевела взгляд с варежки на вжавшуюся в стенку незнакомку.

— Таточка! Дочка! — и упала без чувств.

Когда спустя месяц Изабеллу Петровну выписали из больницы, она не помнила ни одной поэмы, ни даже самого короткого стихотворения, не угадывала названий опер и не могла завершить ни одного афоризма. Кроссворды ушли в прошлое, ибо семьдесят процентов словарного запаса было безвозвратно утрачено. Сериалы перестали интересовать Изабеллу Петровну, потому что каждый раз она сбивалась с сюжетной нити и не помнила имён героев. Подруги, видя такие перемены, сами собой отпали.

Зато Изабелла Петровна теперь помнила главное. Что у неё была мама Зина. Что был муж Толик, который полвека преданно её любил и, пожалуй, любит до сих пор, раз так часто является во сне. Только теперь он не мучает её расспросами, а просто улыбается в зеркале. Изабелла Петровна знает наверняка: у неё есть дочь Тата — и совсем неважно, кто она и какая. Главное, что это Тата.

Алена ДАЛЬ —

прозаик, публицист.

Публиковалась в художественно-литературных изданиях:

«Роман-газета», «Подъём», «Берега», «Молоко»,

«Литературная газета», «День литературы»,

«Русский переплёт» и др.

Автор книг:

«Хождение по Млечному пути» (2014), «Живые души» (2017),

«Хождение по Млечному пути» (2019, дополненное переиздание).

Участвовала в нескольких литературных сборниках и альманахах.

Лауреат Германского международного конкурса «Книга Года»

(2019), финалист премии им. Абрамова «Чистая книга» (2019).

Преподаватель кафедры «Издательское дело»

филологического факультета ВГУ.

Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

В журнале «Север» публикуется впервые.

